

ВАЛЕРИЙ ТРОФИМОВ

ЗАКЛИНАНИЕ

стихотворения 1991 – 2006

* * *

Какой печальный, мрачный март, какой сырой
И мощный ветер пронизал нагие кроны!
Оголодавшие хрипят в ветвях вороны,
Дурные новости пророча вперевой.
И млечный день течет куда-то, и в снегу
С улыбкой ласковою падаль обнажилась,
И время тянется, но жизнь остановилась,
И шестерни ее застыли на бегу.
Хотя есть звук, но миром правит немота,
Оцепенение. И с самой верхней точки
Перемещенья не видны уже, и строчки
Не засоряют больше мозга и листа.
Там что-то дергалось недавно, там текли,
Должно быть, чувства, ощущения... Не помню.
Все остановлено, как бы каменоломню
Свою забыли камнетесы и ушли.
Одна лишь видимость движенья. И ни жест,
Ни речь, ни внешность ничего не изменяют
По существу, так не однажды за меня тут
Легко сосчитан был другой, бродя окрест.
Устав, смотрю на этот мир со стороны,
Точнее, сверху, с равнодушием, но ниже
Неугомонный некий автор что-то пишет
Про это все и видит творческие сны.
Ему без толку объяснять, что жизнь прошла
Заблаговременно и кончилась, и, бедный,
Он в ней не понял ничего, рисуя бледный
Пейзаж в испарине оконного стекла.

1991 г.

* * *

И нечего больше сказать в оправдание себе.
Одна неприязнь к бестолково прошедшему дню.
И дождь, копошась в жестяной волокнистой листве,
Придвинулся ближе, как будто подкрался, к огню.

Землею раскисшею пахнет за окнами мрак.
И частые капли, сливаясь, бегут по стеклу.
Не то что бы страшно, а как-то безрадостно так.
К домашнему, душному не приобщиться теплу –

Маяча в пространстве меж этим и завтрашним днем,
В спокойной апатии, не оправдав ни одной
Наивной надежды, дыша гниловатым дождем,
Стоящим прозрачной, легко проходимой стеной,

Под белым плафоном, холодным рябым потолком,
Под ржавою кровлей, под небом кромешно-пустым,
Уже не жалея, не помня уже ни о ком,
Сквозя и редая, легчая сознаньем, как дым,

Сочась через сети причин, огибая углы
Событий и следствий, руины прощаний и встреч,
Сливаясь с серебряной пылью клубящейся мглы,
Сводя очертанья на нет и рассудок, и речь,

Болезненной, жалкой любви паутину порвав,
Ни смысла, ни верности сердцем глухим не найдя,
Всего лишь невзрачной какой-нибудь, косвенной став
Деталью дождя.

1991г.

* * *

Эта жизнь рассчитана на медленное умирание.
Грязноватый мучнистый снежок – ее выкормыш.
Не скажу почему, но в распаде есть странное обаяние,
Примирающий, расслабляющий проигрыш-выигрыш.
Эти кухни убогие с увядающими репродукциями –
Боттичелли, Руссо, Ренуар, засиженный мухами.
Тараканьи деньки ползут, будто впрямь крадутся они
Прямо в вечность – с глазами бесцветно-мутными.
Будто там, за чертой, есть признание всем гениям,
Болтунам, шизофреникам, графоманам, баловням
Молодежных редакций, их стихотворениям,
Удалым натюрмортам, похмельным жалобам.
Будто там им простятся любые выходки,
Обещанья зачтутся, авансы, обеты трезвости,
Будто там их поймут – на последнем выдохе –
Ах, какая трагичность, мол, в бесполезности!
Ах, какая отверженность, Боже мой, и непонятость!
Ах, какое геройство и нищее одиночество!..
Ни рисунка, ни строчки, ни имени не запомнилось.
Ни мольбы, ни иронии, ни пророчества...
Эти ночи помятые, циклодольно-аминозиновые,
Эти окна больничные, диссидентские диспуты.
Снег на клумбах, ноябрь, да кусты осиновые,
И ремонт уж прошел – все щербинки покрасили, все знакомые выступы.
Алименты взысканы, изнасились жены, все дети выросли.
Все любимые замужем, ожиревшие.
Отчего же стишки еще? Может быть, от сырости –
Виновато-бледные, скучноватые, посветлевшие.

1992г.

* * *

Как легко согласиться, что ты неудачлив во всем и позорно слаб...
Невесомость какая сразу, свобода от обязательств, поползновений!
Ничего нет глупее славы на свете, коварней денег, практичней баб,
Безнадежнее бедности, бесполезнее сочинительства стихотворений.

Отдыхай – с ярлыком «ни на что не годен», со скромной пометкой «брак».
Закури сигарету, выпей, что Бог послал, полистай газету.
Все едино! Не сладко ль тебе, не тепло ль пропадать, дурак?..
Можно выбиться в люди, конечно, заняться делом – охоты нету.

Суевливая хищная жизнь протекает за окнами... Ей плевать,
Кто ты есть. Хорошо, в силу полной взаимности возврати этот жест небрежный.
В симпатичной компании – стол, пара стульев, книги, торшер, кровать –
Проведи весь день, как обычно бесхитростный, заурядный, почти безгрешный.

Ночь навалится липкая, в зарослях раскуражится соловей,
Увлеченная пара котов развернет в темноте баталию,
Где-то взвоят собаки, промчится скорая, поезд пройдет... Скорей
Завернись в одеяло, усни, сновидение нежно обняв за талию.

О, июньские сны! Шестилапые бабочки, усики, мягкие хоботки,
Волоски под брюшком, замиранья, вздохи, полусогнутые колени.
О, прогулки ночные, полеты, заплывы, стремительные гребки,
Шелковисто-расплывчатые, округлые, удаляющиеся тени!

Будь себе одному благодарен за еще одно измерение, за полуночный мир,
Где ты неуязвим для реальности с ее грубой правдой и будничною тоскою.
Жизнь дневная похожа порой на зияние, на пустоту, пунктир –
В промежутках меж собственно жизнью, бесплотною, непредсказуемою, ночною.

1993 г.

* * *

И не пытайся увлечь, потрясти, восхитить...
Жалости даже не вызовешь – так заурядна
Жизни минувшей и длящейся скудная нить.
Исповедь слишком скучна и длинна, и нескладна.

Надо же было так долго носиться с собой,
Ждать и готовиться, верить и намереваться!..
Да успокойся, утешься и этой судьбой,
Не суетись, говорю, перестань унижаться.

Как хороша эта мрачность вечерняя, снег!
Неумолимость и медленность существования.
Тонет во тьме, в поворотах судьбы человек.
Но и в безвестности этой есть очарованье.

Запах предзимья над городом спящим плывет.
Все, что ни выпадет, надо встречать без испуга –
Скуку повторов, зиянье невнятных длиннот,
Замкнутый круг одиночества, вроде недуга.

Грозно встает над поверхностью голой земли
Близкой зимы торжество, отчужденья громада.
Были надежды – не понял и сам, как прошли.
Но все равно, говорю, суетиться не надо.

1993 г.

* * *

Постарев и со многим смирившись, не столько морокой
Тяготишься обыденной или ничтожностью роли,
Сколько трепетом смутным терзаем, какой-то тревогой...
Перед брэнностью собственной и бесполезностью что ли?

Этот липкий испуг заставляет тебя суетиться.
Понимаешь, что глупо и тщетно, а все же хлопчешь.
Улыбаясь смущенно, в чужие бесстрастные лица
Смотришь с тайной надеждой и страхом, понравиться хочешь.

Не внесенный в реестр, обитающий где-то за гранью
Трафарета, сместившийся в неосвещенную зону,
Прожектерством, апломбом и всякою прочею дрянью
Начиненный, ты все-таки льнешь неуклюже к шаблону.

Сердце в жалкой истерике мечется – время уходит! –
Как невеста на выданье в душном своем захолустье.
Сколько мысль не петляет, куда ее Бог не заводит –
Все втекает в бессмысленность – как в неизбежное устье.

Представляется жизнь затянувшейся, полной повторов,
И позорною слабостью кажется ужас предсмертный.
Впрочем, это из области пьяных ночных разговоров...
Разум бдит ограниченный, благоразумно-инертный.

На помятом лице – след упорной бессонницы. Вялый
Лоб украшен, как шрамом, страдальчески резкой морщиной.
Натыкаешься в зеркале вдруг на пустой, одичалый
Взгляд и долго любишь новорожденной щетиной.

А накрутишь с угрюмым терпением диск телефонный
Или в гости напросишься, вооружившись бутылкой,
Всякий жест твой естественный числится как незаконный,
Провиденьем встречаемый сонной и скользкой ухмылкой.

1992г.

* * *

Я знаю, чем кончится это,
Как ящер, ползущее лето.
Обгложет его до скелета
Циклический холод земной.
И будет не лучше, не хуже.
Я лишь констатирую вчуже,
Что лето окончится стужей,
Могучей костистой зимой.

Есть прелесть в банальных открытиях,
Повторах, бесцветных событиях,
В тоскливых ночных чаепитьях,
В бессмысленности бытия.
Я знаю, чем кончится вскоре
Мое безутешное горе,
Кто правым окажется в споре,
Чем жизнь завершится моя.

Но будет ли страшно – не знаю,
Когда я пойму – умираю,
Из этой игры выбываю,
Уже бестелесен, лечу –
Туда, к отдаленному свету,
К прощению или ответу,
Оставив сумятицу эту,
Рассудок задув, как свечу.

1992 г.

* * *

Однажды смутили беспечную душу мою...
Я жил по привычке и смысла ни в чем не искал.
Вдруг что-то случилось – я вижу, но не узнаю
Знакомого мира – как в сложной системе зеркал.

Под мартовским солнцем на искристо-белом снегу
Стою, словно идол, не знающий счета часам,
И галочьих криков я слышать уже не могу,
И ноги озябли, и больно от света глазам.

За что я, скажите, бездольною дрожью плачу –
За ветер холодный, разреженный воздух небес,
За то, что в том ветре я голос расслышать хочу,
Без слов говорящий, за жалкую жажду чудес?

... За то, что я прожил, как прожил – других не умней,
Как мышь-землеройка, не смел показаться на свет,
За то, что мне в доме моем все равно не теплей,
За то, что и сами вы знаете – выхода нет.

1994 г.

* * *

Тенетами дождь обволокло летаргический мир –
Все взаимосвязи предметов, явлений причинность.
И воздуха нет – только пар и косящий пунктир,
Мерцающих капель живых трудовая повинность.

По крышам осклизлым, по бревнам стучат коготки.
Вонзается в сердце дробящийся звук и дрожащий.
Но все силуэты и чувства так лживо легки,
Что улица темная кажется ненастоящей.

Гниющей листвы золотистый червивый ковер
Скрывает шагов разнобой, как греховную тайну.
И ноющий где-то во мгле переулков мотор
Все глуше звучит, одиноко катясь на окраину.

Не город, а морок, не жизнь, а навязчивый бред,
Не время, а глушь, немота сговорившихся пауз.
Мигает фонарь, но сдается и сходит на нет,
Как прячет в песок пучеглазую голову страус.

Не видеть, не слышать, из времени выпасть совсем,
Прорваться сквозь сон, как сквозь координатную сетку,
Минуя силки обстоятельств, ловушки систем,
Задев на прощанье крылом оголенную ветку.

1993 г.

* * *

Какая-то тоска жила во мне всегда
И лишь по временам слегка ослабевала...
Была ль тому виной грозящая беда,
Несбыточность любви, потребность идеала?..

Не знаю до сих пор причину детских слез.
И вспомнить не могу, что давнею порою
Мне не давало спать – собачий лай в мороз,
Дождь или старый сад, колышущий листвою?..

Когда по потолку метался мотылек,
Или сверчок твердил бесхитростную фразу,
Я до утра заснуть от жалости не мог –
К ним или же к себе, ко всем живущим сразу?..

Что вызывало боль, какая мысль рвалась
В минуты той тоски в сознание достучаться?..
Пойми ее тогда, другим бы я сейчас
Был – ей бы не пришлось все время возвращаться.

То ночью наплывет, то подкрадется днем –
То тяжестью в груди, то странной пустотою...
Как я о ней забыть хотел бы на твоём,
Любимая, плече, прильнув к нему щекою!

Чужие города, скоротеченье лет,
Вокзалы, поезда, ревущие во мраке...
А мне, кроме тебя, другой надежды нет,
Как отыскавшей кров стареющей собаке.

1994 г.

* * *

Кто видит нас из вечности самой,
Не прибегая к силе телескопа,
Тот видит мир, обложенный зимой,
В заношенной спецовке землекопа.

И белый снег на серых скатах крыш,
На голых ветках, в ямах и оврагах,
И лед реки, и высохший камыш,
И лес, и поле в заячьих зигзагах.

И видит он дома, мое окно,
Траншею, сквер, железную дорогу,
И время, и как движется оно
И нас перемещает понемногу.

Всевидящий, он знает наперед,
Чем каждое окончится событие,
Но тайну эту нам не выдает,
Даря всего лишь проблески наитья.

Не вмешиваясь, смотрит столько лет,
Что как бы сам уже не существует.
Ни прошлого, ни будущего нет
Для тех, кто с ним, покинув нас, кочует.

... А между тем снег залепил киоск,
Фонарный столб, как стеарин подсвечник.
И, может, лишь один гигантский мозг
Следит сейчас за тем, как человек

Выходит некий – без поводья –
В ночь или в жизнь и, как слепой, блуждает
В сплошном снегу, хоть, честно говоря,
Куда идет и почему – не знает...

Деревья видит смутно, тени птиц –
Сквозь хлопья снега – голуби ль, сороки?..
По слепоте не узнавая лиц,
Перевирая правила и сроки.

НОВОГОДНЕЕ

Вот года медленный излет,
И вновь томительный разбег.
На стершийся несвежий лед
Разреженный крошится снег.

Окрестности ушли во мрак.
Бесплатной выставкой чудес
Свой круг вращает Зодиак
В клубящемся чаду небес.

Нервные хлопки шутих,
Плебейская возня петард.
Скорей бы карнавал затих,
Натужный исчерпав азарт.

Известно же, не разгадать
Цикличности неспешной суть.
Так лучше уж спокойно спать,
Чем двигаться куда-нибудь.

В запутанном и темном сне
От шума бы укрылись мы
На самом сокровенном дне
Разыгранной как фарс зимы.

Какой-то минимальный снег
И дальше бы летел с небес,
И новый надвигался б век
С надеждою наперевес.

Тот, кто, как моль, пронзен иглой
Линейного течения дней,
На тайну драмы мировой
Смирней смотрит и грустней.

1999 г.

* * *

Опять с привычною тревогой
Я вижу, Господи, прости,
Как, рассыпаясь, день убогий
Песком стекает из горсти.

Все ветер времени развеет,
С угрюмых грянувший высот.
Душа измерить не сумеет
Отпущенных судьбой щедрот.

И кажется лишеной смысла
Жизнь – как образчик пустяка.
Одни космические числа
На нас взирают свысока.

Они в созвездиях роятся,
Живут пчелиною семьей...
Но гложет страх не состояться –
Как будто можно стать собой!

Как будто есть предназначенье
Отдельное и у меня,
Как будто можно из забвенья
Восстать, как Феникс из огня.

Как будто стоит лишь усилие
Направленное предпринять,
И за спиной заплещут крылья,
И ты научишься летать.

А та борьба за выживание,
Которая подмяла всех,
Не более – чем оправданье,
Не менее – чем смертный грех.

2000 г.

* * *

Какой нынче ветер с утра!
И кровельной жестью гремит,
И пыль по дорогам метет.
И на море, видимо, шторм.

И солнце над миром встает
Такое, что больно глазам.
И мощно, как будто в грозу,
Деревья листвою кипят.

И вдруг появляется мысль:
Так будет, когда ты умрешь –
Ни сонма чумазных чертей,
Ни ангельских крыльев, ни рек
Подземных с тяжелой водой,
Ни робких бесплотных теней...

Один ослепительный свет,
Продутая ветром лазурь –
Вне координат и границ
Вневременная пустота.

... Смеркается. Стекла дрожат,
Как в бурю, и листья шумят,
И ветер нагнал облака.
И холодно так, и темно...
На море, наверное, дождь.

2000 г.

* * *

Так же, как небо, как стужа, как зной,
Так же, как ведренный день и ненастье,
Так же естественно странное счастье
Всюду, всечасно быть только собой.

Так же, как сумерки, дым и туман,
Так же, как вечер с дождем морозящим,
Так же таинственно – быть настоящим,
Распознавая соблазн и обман.

Так же бездонно, как вся пустота,
Что затопила собой Мирозданье,
Полупрозрачное осознание,
Неуловимая подлинность та.

Так же изменчиво, как облака,
Столь же заброшенно и одиноко,
Будто отныне небесное око
Не различает тебя свысока.

Так же, как время, как мрак или свет,
Так же мучительно, невыразимо,
Так же невнятно, как тянутся мимо
Вехи событий вдоль линии лет.

Так же, как снег, выпадающий вдруг
И за окном мельтешащий наклонно –
Заполночь, слепо, темно, обреченно –
Так же бесследно, как ветер, как звук.

Так же, как дерево, дуб или клен,
Мешкая, падая, ветви ломая,
Так же безмолвно – уже умирая –
Так же бесцельно, как море, как сон.

2000 г.

ЗАГАДКА СНА

С кем я долго прощался во сне,
Уходил и опять возвращался?
По своей, по чужой ли вине
Распроститься никак не решался?

Кем он был, тот чудной человек?
Что-то важное в жизни теряя,
Собираясь расстаться навек,
Как и я, он топтался у края.

Все подыскивал, мучась, слова,
Настороженно ждал объяснений.
И, к развязке приблизясь едва,
Приводил тутже ряд возражений.

Нашу близость единым рывком
Разорвать удалось бы едва ли.
Он со мной был не просто знаком,
Мы с рожденья с ним век вековали.

Столько прожито лет – а зачем?
Что сближало нас с ним? Не понятно.
Мир ночной был бесстрастен и нем,
Что-то рушилось в нем безвозвратно.

Нас покинутость, словно недуг,
Настигала, влекла и пугала.
И зловещая темень вокруг,
Отгоняя надежду, стояла.

... Я забыл бы тот морок ночной,
Но на сердце осадок остался.
Что же было той ночью со мной?
С чем так горько во сне я прощался?

2000 г.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ.

По небу жемчужное облачко движется медленно, медленно, еле заметно.
Как будто живое, одно на все небо, подсвечено сбоку луною.
Все крыши, все башни, все трубы, все кроны деревьев, все то, что предметно
И что беспредметно – окутано светом, расчерчено мраком, полно тишиною.

Магнитное поле Земли неподвижно, как зимнее поле, покрытое снегом.
Космический холод сжимает в прозрачных ладонях воздушную сферу.
Когда одержимы одним теплокровные твари – ночлегом и хлебом –
Тогда все незримое глазу, неслышное уху легко принимаешь на веру.

На улицах пусто. Однако присутствие жизни душа подмечает повсюду.
Разумно и холодно звезды взирают на одушевленные тени.
И стужа-колдунья легко уподобила парковый пруд изумруду
В колючей оправе сухих серебристых, недвижимо спящих растений.

И что-то еще в этой ночи неявно присутствует, тоже как будто живое.
И облачко, тихо плывущее в лунном сиянии, кажется частью
Какого-то замысла бесчеловечно прекрасного. Слово любое
Робеет пред ним и не в силах уже отразить ощущение муки и счастья.

Не птицы, не звери, не люди как будто сейчас населяют пространство, а боги.
К заброшенным капищам духи слетаются древние, воя утробно,
И требуют жертвы. И призрак навстречу, качаясь, бредет по дороге...
И сердце в восторге и страхе стучит, откровению внять не способно.

2000 г.

ЗАКЛИНАНИЕ

Дождь, дождь, небесная вода,
Не исчезай неведомо куда!
Пускай звучит беспечно, наобум
Твой сонный шелест, монотонный шум.

Уколы легких капель на лице
И фонари в дымящемся венце,
Коньки и ребра поржавевших крыш
И желоба, в которых ты журчишь,

Листву, траву, в предзимней нищете,
Деревья в неприглядной наготе,
Безумный мир, галдящий вразнобой,
Скиталец-дождь, преобрази собой.

Дождь, дождь, не умолкавший днесь,
Настанет час, и ты исчезнешь весь,
Упав на землю с пасмурных высот,
Пройдя сквозь почву до грунтовых вод.

Теки, струись, как слезы из-под век.
Тебя заменит неизбежно снег,
Но все ж, покуда живы мы, давай
Накрапывай, шурши, не умолкай.

Мне как-то легче от того, что ты
Летишь сюда с угрюмой высоты,
Рассыпавшись на тысячи частиц,
Летишь ко всем, не разбирая лиц,
Не разбирая – куст иль человек...
Дождь, дождь, жизнь – смерть, снег, снег.

2000 г.

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Деревня огни погасила,
Уйдя в первобытные сны.
Незримо сгущается сила
Звонящей в ушах тишины.

Серебряный лунный щербатый
Сияет над крышами шар.
Слоистый и голубоватый
Над пастбищем стелется пар.

Какая простая свобода –
Брести от жилья наугад
Под синим шатром небосвода,
Где вечные звезды горят,

Где, криками полня окрестность,
Совиные тени снуют...
Наверное, так бестелесность
При жизни еще познают...

Брести, как в раю невозможном,
Не веря и веря себе,
В сиротстве, в восторге тревожном,
Навстречу случайной судьбе.

Брести, переполнившись страхом,
По пустошам, мимо теней,
Без сна над растительным прахом
Парящих в печали своей.

Сквозь призрачный мир темноликий,
Дорогу назад потеряв,
Сквозь трепет и шелест, и блики,
По морю бескрайнему трав.

2001 г.

ПРЕДЗИМЬЕ

Скрежет кровель и жалобы, и листвы шевеленье сплошное.
Искалечен морщинами мертвый лик почерневшей воды.
Широко над каналами распахнулось пространство ночное,
Ветер пахнет предзимьем, как будто предвестьем беды.

Город кажется кладбищем, совокупностью обособлений.
Окна зыблятся в сумраке, отражая ущербность Луны.
Никуда не впадающий, заливает источник мгновений
Пустоту площадей – угрожающей величины.

Ночь нащупала полную неземной отчужденности меру.
Все нездешнее улицы, подворотни темней и страшней,
Вот бы тихо, бесхитростно кануть в неомраченную веру –
Побезлюдней, попроще, поискренней и подревней.

Чувства были бы скудными, тавтология невыносимой,
Но за тканью реальности, словно жесткий рентгеновский луч,
Что-то движется, кажется, кто-то реет, невообразимый,
Тенью – в россыпях звезд, светом – в темени туч.

2001 г.

* * *

Когда твоя жизнь значит меньше, чем значит –
Ни славы, ни власти, ни денег не надо...
О чем в это время душа твоя плачет
Средь дыма и гула, средь грома и чада,
В слепой толчее человеческого стада?

Ей смысла – для всех очевидного – мало,
Скучна ей привычка, тесна ей квартира.
Наверное, помнит, как прежде сновала
По легким невидимым струнам эфира
Во все уголки необъятного мира.

Ты веришь, однажды откроется дверца?
Ты знаешь, все может еще измениться?
Из клетки грудной, из горячего сердца
Порхнет на свободу, раба и должница,
И вечноживущего неба частица.

Не кайся, не майся в напрасной обиде,
Пусть потом пропитана смертным рубаха...
Зачем же летунье свободной, сильфиде
Сомнения приговоренного праха,
Землистая маска животного страха?

2001 г.

ЗИМНИЙ РАССВЕТ

Разрешается ночь безучастным и тихим рассветом.
Серый зимний денек, как судьба, неизбежен уже.
От себя самого не спастись побасенкой, секретом...
Тяжело на душе.

Нужно было молчать, нужно было себя сторониться,
Нужно было тайком, под какой-нибудь маской смешной
Промелькнуть через жизнь, как сова, как полночная птица,
Притворясь тишиной.

Перестуком часов отчуждается время. Но скоро ль
Разрешенье загадки, расплата, развилка, рубеж?
Снегопад за окном, как всегда, не боится повторов.
Он по-прежнему свеж.

Вялый шорох машин да одышливый скрежет лопаты,
Окна в доме напротив, суставы нагих тополей –
Вот и весь антураж на события шибко богатой,
Яркой жизни моей.

Честность – жалкий предлог, жидкий корень того мелкотемья,
Что растет, как трава, как деревья в земле городской...
Только крыши да небо, да снег за деревьями теми
Различаю с тоской.

2001 г.

* * *

Он знает то, чего не знаю я.
Он в качестве непрочного жилья
Однажды выбрал кровь мою и плоть
И дал взамен – пустых надежд щепоть.

Еще дал право – в утешенье мне –
Сгореть втихую на скупом огне
Служенья без побряжек и похвал.
Но для чего все это - не сказал.

Судьбу, как лампу медную потри –
Беде навстречу прянет изнутри.
Его стихия – горе и гроза.
Он в бездну смотрит сквозь мои глаза.

Когда болеет тело и сдает,
Он понимает все наоборот.
Пристанища не жаль ему ничуть,
Он начинает собираться в путь.

И что я знаю, в сущности, о нем,
Я – только глина, пепел, чернозем,
Мотив, подобранный по случаю, на слух?..
Я – человек,
 он – дух.

2001г.

* * *

И этот дом я когда-то покину, как и всякий другой,
И пятна света не повторяются, лежащие на полу.
Лишь небеса каждодневно новые царственный свой покой
Сохраниют, равно приемля и славословие, и хулу.

Что великолепие неба до наших бессмысленных укориэ!
Оно богаче и глубже, и неизъяснимее, чем душа.
Однажды время иссякнет, отпущенное на жизнь,
И неважно, пуста ли она была, плоха или хороша.

А пока я смотрю вокруг и не скрываю печали своей.
Я вижу растения, животных, вдыхаю запах земли.
И разговоры различные слышу, и знаю разных людей,
Но следы их перемешаются и пропадут в пыли.

Сказано, для страдания рождается человек,
И одна участь, одно дыхание у мудрого и глупца,
И смысла тогда нет сетовать, что короток чей-то век,
Не все ли равно, как долго фатального ждать конца?

Кого же любить и верить кому, на что надеяться, подскажи,
Немая и всетворящая, всеядная сила, любить ли одну тебя,
Любить больше жизни самой твои бесчинства и миражи,
Страшиться грома и молний, и мощи твоей, любя?

На ком, кроме нас самих, кровь невинных существ, ответь?
Сама-то мирволишь везучим, сильным, пристрастная высота.
Но и для них последним твоим подарком послужит смерть,
Ночное сияние тихое, неомраченная красота!

2002г.

* * *

С полуночи еще тяжелый мокрый снег
Лениво, но всерьез и без поблажек валит.
И город целый день, не поднимая век,
Лежит, как неживой, холодным светом залит.

Советчики ль, врачи на лестницах стоят?
Глазами донных рыб буравят сумрак двери,
Вдруг самый тихий стук услышат, отворят,
Помогут и поймут?.. Никто уже не верит.

Кому бы рассказать, о том, что на душе,
Пробиться б, прокричать в заложенные уши
О том, о чем не раз все сказано уже,
Все сказано давно?.. Никто не хочет слушать.

Надеешься, тебе чуть больше повезет,
Однажды на тебя посмотрит благосклонно
Судьба, твоя душа к чужой душе прильнет
И ей расскажет все, как чеховский Иона?..

Надейся. Снова ночь, не зажигая звезд,
По кругу притечет из области соседней.
И будет путь сквозь ночь невыносимо прост,
Обычен. Ты такой не первый, не последний.

2002 г.

* * *

Не знал я примет и гаданий – по звездам, по дыму,
По пеплу, по воску, по снам, по бараньей лопатке...
И зренье, и слух наугад не вверял серафиму,
Постылым, бескрылым рассудком рискуя в остатке.

Обидно мне стало – была моя жизнь молчаливой,
Как будто стеклом от меня заслонялось пространство.
Скользил по верхам я – бесцельно и нетерпеливо –
И даже любил эту спешку и непостоянство.

На чудной земле, где тюремщиком каждому каждый,
В объятьях, как в клетке немой безразличной природы,
В раю, как в аду, суждено мне томиться от жажды,
Когда под ногами текут животворные воды.

И вот для меня пребывают немymi доньне
И недра, и горы, и кроткие души растений.
Как знаки, лишённые смысла, бегут по равнине
То пыльные вихри, то птиц треугольные тени.

А мог бы я слышать, как рыбы поют, словно трубы,
Губастых, морщинистых ртов разевая воронки,
А мог бы я знать, что бормочут грибы-тенелюбы,
Угрюмые камни, заложницы смерти-поденки.

Но самое грустное – словно в немой киноленте,
Отснятой Бог знает когда и зачем в Голливуде,
Такие речистые, шумные в каждом фрагменте,
Меня окружают глухие счастливые люди.

О чем говорим мы друг с другом, не слыша ни слова,
Куда мы все время толкаем и тянем друг друга?..
Неужто в нас кто-нибудь верит и снова, и снова
Спасти уповает, свести с обреченного круга?

2002 г.

* * *

Нет никакой справедливости в жизни земной,
Толки одни да мечтанья о жизни небесной...
Нищенка квелая входит в вагон на Сенной,
Братца безного катит в коляске железной.

Сколько ни клянчит, ей мало народ подает,
Братец молчит, на людей выжидательно глядя.
Кто у них выручку вечером всю заберет,
Завтра канючить отправит опять « Христа ради »?

Где же их мамка, рассудок ли свой пропила,
Ей наплевать, или при смерти, или убили?
Что за метла их в подземный вертеп замела
И уподобила мусору, пыли и гнили?

Чем же я лучше, за что так любили меня
Мать и отец?.. И какая стояла погода
В детстве, как будто ненастного не было дня,
И чудеса расточала бесплатно природа!

Нищенка квелая входит в вагон на Сенной.
Вписан и я окончательно в хаос окрестный.
Что же ты сделаешь, Непостижимый, со мной?
Любишь ли Ты меня все еще, о Бессловесный?

2003 г.

* * *

Не в темном шкафу, а во мне обитает скелет,
Я череп бугристый его осязаю рукой.
Он в плоть мою теплую только на время одет,
Как будто на время во мне поселился другой.

Откуда мне знать, что с ним будет, когда я уйду,
Оставив на всем белом свете его одного.
Я на руку руку ему машинально кладу –
Бездумно, беспечно, как будто и нету его.

А он поживет еще, если не будет сожжен.
А он полежит еще в тесной древесной глуши,
Когда разойдутся родные с моих похорон,
Когда не останется больше вокруг ни души.

Его, словно друга, корнями обнимут кусты,
Обступят деревья, зашепчется нежно трава,
И ветер ночной прогудит для него с высоты,
Ручей пробормочет неслышные ныне слова.

А может, растащит по норам лесное зверье –
И станет он, белый, любимой игрушкой волчат.
Не верит, не верит он в долгое счастье свое,
Опять его зубы от боли и страха стучат.

2002 г.

* * *

Плывут бессчетные века вдоль по течению небес,
И отпадает сам собой простой вопрос «зачем?».
Плывут строенья, облака и люди, и река, и лес –
Здесь мертвых больше чем живых, но места хватит всем.

Вот переправа на реке, и я стою на берегу,
А там, за темной быстринной, угрюмая страна.
Не знает сущее границ, но я поверить не могу,
Что переправа на реке – лишь видимость одна.

Я чувствую, что виноват – особенно перед собой! –
И, может, только потому не отворят мне врат
Туда, где нет уже причин бороться попусту с судьбой,
Где каждому найдется друг, товарищ или брат.

И пусть мне оправданья нет, а все-таки и я любил
Пожалуй, больше, чем себя, всю эту синеву,
С ее безумной глубиной, механикой ночных светил
И тем, что держит целый мир, как лодку на плаву.

2003 г.

* * *

Открылось мне, что ты в моей душе поныне
Живешь, там до сих пор горит неяркий свет
Наивности, любви – в размытой мешанине
Вялотекущих дней, быстробегущих лет.

Тебя не видел я, не вспоминал годами,
И вдруг проникла ты в мой сумеречный сон –
И вспыхнуло свежо все то, что между нами,
Как праздник началось, а кончилось, как стон.

Ты, кажется, была теплой и бескорыстней,
Доверчивей, добрей, и не было в том сне
Ни хитрости, ни лжи, ни ревности, как в жизни,
А было в дымке все, в какой-то пелене.

Проснувшись, я себя не мог понять, и тихо,
Не двигаясь, лежал, боясь рассеять дым,
Завесу, полумглу, как будто дня шумиха
И мыслей суета все б сделали другим.

Сначала думал я, тебя найти бы надо
И рассказать свой сон и заглянуть в глаза,
Где, может быть, одна обида и досада,
Насмешка или боль, куда смотреть нельзя.

2003г.

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

Он и сам не знает – кто он,
что он значит для людей,
черный ангел, черный ворон.
Н.Беляев

Не зря я поселен во временах,
Как древний дух о вороних крылах,
Как дым, как ночь, как твой сиротский страх...
Я вездесущ и падалью пропах.

Я залетал, стальным пером одет,
Туда, куда тебе дороги нет,
Как черный ангел поглощая свет
Остывших звезд и вымерших планет.

Я посещал твои ночные сны,
Как вещий житель дикой старины,
Как одинокий крик из глубины,
Но сны тебе бывали не ясны.

Я пожиратель умерших сердец,
Последней жатвы я двужильный жнец,
Пристрастный твой и пристальный истец,
Я поражение твое, я твой конец.

Тебя поймут, но только не простят...
А ты б в одном хоть не был виноват,
Когда бы к цели шел не наугад
И, как пророк, был откровенно рад.

Тебе ни Бог, ни дьявол не указ...
Но распахнется вечность без прикрас.
Взгляни, отважься в свой последний час
В колодец мрака, в мой голодный глаз.

2003 г.

* * *

Прислушайся к мраку, к наволглой ночной тишине.
В ней странные звуки, как твари живые, снуют...
То шорох, то стук пробежит по шершавой стене,
То скрежет и скрип переключку впотьмах заведут.

Как будто без цели и смысла, без веских причин,
Лишенные права на жизнь среди белого дня,
Не в силах они удержать напряженных пружин,
И вот начинаются хлопоты и беготня.

Как неоднородна ворсистая ткань тишины!..
Хлопки и щелчки – будто пятнышек тающих ряд.
Мерцанье и трепет натянутой в высях струны,
Сферический треск, прямиком уносящийся в ад.

Замри и прислушайся – будь наконец терпелив! –
Тогда ты услышишь морской наплывающий шум
И скрежет древес, и кузнечика вязкий мотив,
Всю исповедь ночи, бубнящей вздохом, наобум.

Вращается ступица, шаркают тяжело шаги,
В оврагах и ямах спрессованный воздух звенит,
И ты здесь замечен, пусть даже не видно ни зги,
И ты был услышан и узнан, и ты не забыт.

2003 г.

ДЕРЕВО

Мне снилось дерево. Казалось, что оно
До неба высится. В открытое окно
Я видел крону с оголенными ветвями
И мощный ствол, одетый жесткою корой,
С дуплом бездонным, словно с черною дырой,
Куда всосется все, куда мы канем сами.

И я подумал – дерзновенна нагота,
Как откровение – ни птицы, ни листа,
Величье мрачное, встающее из праха,
И небо серое, и ветер в вышине...
И приоткрылось что-то странное во мне
И что-то страшное, и что-то - глубже страха.

Весь опыт жизненный не стоит ни гроша,
Когда впустую расточается душа,
Не зная смысла своего и назначенья.
Вползти б змеей вдоль по шершавому стволу
В хитросплетение корней, в слепую мглу,
В ту немоту, что и была до сотворенья.

Быть может, суть существования проста.
Кем бы не мнил себя – ты только сирота,
Куда б не влекся ты, а прошагаешь мимо.
И сколько скарба ни возьми – ты налегке,
И на каком не говорил бы языке,
Косноязычие твое непоправимо.

2003 г.

* * *

Что держит мышцы в напряжении,
Мешая вовремя заснуть?
Душа томится в заточении,
Но мешкает пуститься в путь.

Пустая глупая привязанность
К сюжету канувшего дня,
Как будто тяжкая обязанность,
Упорно мучает меня.

Стоят задачи выживания,
Гнетут расчеты наперед
И беспокойство без названия,
Которое лишь смерть уймет.

Куда-то все спешу одышливо
В ночной звенящей темноте.
Но спешки смысл не мною вымыслен
И я родился не за тем,

Чтоб эта тела неустроенность –
Как будто сам себе чужой –
Меня томила, как раздвоенность,
Как разногласие с душой.

Не лучшим было бы решением
Утратить над собой контроль
И перестать с ожесточением
Играть навязанную роль?

2003 г.

* * *

После двухчасового наркоза в уме правит бал пустота,
Равнодушие к судьбе и цветные абстрактные пятна.
Может, вправду река протекает в пространстве – как будто черта.
Переплыл – и уже не захочешь вернуться обратно.

Мне не вспомнить, не вспомнить ее погруженных во мрак берегов,
Ивняком ли поросших, осокой, увязнувших в иле...
Только, кажется, мглистый накинув на память покров,
Две – три женщины тихо о чем-то со мной говорили.

Милосердная сизая мгла повела, потянула меня
Далеко за собой, по глухим, по извилистым штольням...
Правда, не было в нижнем, безветренном мире ни ночи, ни дня,
Ни ладьи, ни огня... Словом, душу мою не смутило ничто в нем.

И не пел в тех угрюмых и гиблых краях безутешный Орфей,
Быстроногий Гермес не ходил никому провожатым.
В сером шорохе родственных, полупрозрачных теней
Не кружился растерянно сам я, как меченый атом.

И в который уж раз сокрушенно твержу – не дано, не дано!
Оглянувшись назад, только тьму вижу я без начала и смысла.
Пустота обнимает меня, и глядятся в ночное окно
Лишь чудовищных звезд бесконечные мертвые числа.

2003 г.

* * *

Жуки Скрипуны и жуки Носороги,
Жуки Усачи и Олени,
Деревьев и трав уязвленные боги,
Былого ущербные тени.

Могильщики, Пильщики и Скарабеи,
Несметны вы, но незаметны.
Вам ближе, роднее дриады и феи,
Языческий мир многоцветный.

Улитки, кузнечики, бабочки, пчелы.
О, сколько вас было в июле!
Молитвы твердили жрецы Богомолы,
А к осени разом уснули.

Сойду ли однажды в ваш мир потаенный,
Безличностный, но не безликий,
Где стебли цветов встанут, словно колонны,
Поднимутся травы, как пики.

Где бабочка сядет, мерцая очками,
И звать ее будут Ванесса,
Где я подружусь, словно брат, со сверчками
В мифическом царстве Гадеса.

Где крылья расправив, как Бражник отважный,
Взлечу я в нездешнее небо,
Где боги откроют секрет, что не важно,
Я был вообще или не был.

2003 г.

* * *

Тебе я не верил, а может, боялся тебя –
Чудовище, хищница, музыка, Муза, мираж! –
Ты слишком ревнива, задушишь, задавишь, любя,
А чуть охладеешь, и голоса вновь не подашь.

Неужто нет дела теперь до меня никому –
Ни тихим оврагам, ни сизым холмам, ни луне?..
Неужто я речи древесной уже не пойму,
И птичий язык никогда не откроется мне?

И кто же глухому подскажет, как вызвать из тьмы,
Из мрака сырого, из мглы подсознания слова,
Как вызволить душу из тесной телесной тюрьмы,
Чтоб мог ощутить я, жива она или мертва?

Сиротство, юродство, покинутость мне суждены?..
Один навсегда или в скопище полых людей –
Трухою шуршу в голове и бескрылые сны
Держу взаперти по ночам у закрытых дверей.

И зимнего города дымный пейзаж угловат,
И фары машин чертят петли, качаясь, во мгле,
И лепит на окнах зачем-то божков снегопад,
И я еще есть, где-то там, в темноте, на земле.

2004 г.

* * *

За что себя жалеть?.. За то, что ты один,
И океан небес в неомраченном блеске
Навис над чернотой полуночных равнин,
Палящих в пустоте, а поделиться не с кем.

Пройдет и сам восторг, с которым ты глядишь
На складчатость земли, в распахнутые дали...
Уже не воссоздать потом такую тишь
И запахи травы, и остроту печали.

И кажется, что жизнь проходит стороной,
Той мерой полноты тебя не одаряя,
Которая и есть весь смысл ее простой,
Подарок божества и обещанье рая.

А время, как гравёр, царапает резцом
Упадку письма и знаки расставанья.
И ты стоишь впотьмах с потерянным лицом
Под сонмищами звезд, один среди Мирозданья.

2004 г.

* * *

На снежном поле потолка
Какая-то чернеет точка,
Щербинка – вроде человечка...
Из-за него в душе тоска.

Куда он по полю бредет,
По грудь в сугробах увязая?
Какая надобность пустая
Ему покоя не дает?

Он будто тянется душой
К неведомой, далекой цели.
А сам уж виден еле-еле,
Упрямый и всему чужой.

Как постарел за много лет
Седой пустыни житель мелкий!
И скоро уж метель побелки
Совсем сотрет его на нет...

Прощай, убогий неуют!
Все перекрасят, поменяют.
И без него и без меня тут
Другую жизнью заживут.

2004 г.

ПЕРВЫЙ СНЕГ.

Первый снег, ты ложишься еще на живую траву,
Беззаветно и щедро играя привычную роль.
Я давно перестал понимать, для чего я живу...
Обмани, убаюкай, утешь, обезболить!

Размывай меня, снег, растворяй, пролетая во мне,
Свежей стужею вечности в мозг обнаженный дыши.
Пусть рассеется взгляд мой в текучей твоей пелене,
Пусть рассыплются стены, разрушатся все рубежи.

И когда потеряют значение и силу слова –
Ничего-то не скажешь уже про белесый мираж.
И размерность, и мерность, и время утратят права,
Ты, спасая, холодную белую руку подашь.

Перестать бы цепляться за жизнь, уходя за тобой.
Уходя – уходить в шевелящуюся круговерть,
В темноту – за свободной, за воющей волчьей трубой,
Через мост заметенный и лес, через поле и смерть.

2004 г.

* * *

Иногда заклинатели света
Приглашают в помощницы тьму.
Неразборчивость странная эта
Не понятна простому уму.

Как во сне, открывается дверца
В крематорий, застенок, вертеп.
Для того ли сжимается сердце,
Чтобы дух в испытаньях окреп?

Далеко убегают ступени
В земноводный безмысленный мрак...
Но покуда ты ходишь – без тени
Обойтись невозможно никак.

И когда, возгордясь, в раздраженье,
Возвышаешься ты над толпой –
Всюду видишь одни отраженья,
Отрицаемые тобой.

Нет бы стать примиреннее, что ли,
Сострадательней, тише, мудрей –
Все равно не спасешься от боли
Человеческой доли своей.

2005 г.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ОСЕНИ

Как восхитительно и сладко пахнет клевер
На склоне лета! Гул последних пчел
Тревожен, обречен. Угрюмый север
Уж траурную музыку завел.

Я лег на землю и обнял ее руками,
Лицом в траву упал. А в небе надо мной
Такая синева меж облаками
Была, такой царил покой!

Перевернувшись на спину, я замер.
Меня древесный шепот окружал.
Я со Вселенной встретился глазами,
Я стал землей, покуда так лежал.

Мне захотелось петь и я запел про поле,
Про небо, про леса и про моря,
Доверившись как будто высшей воле,
Как будто бы я пел и жил не зря.

Ну что ж, пусть время вновь перевернет страницу,
И радость кончится, отгородясь стеной,
Быть может, ангелов внимательные лица,
Пока я пел, склонялись надо мной.

2005 г.

* * *

Время наступит – я сгину
В нетях, но сниться я стану
Младшему сыну Максиму,
Старшему сыну Роману.

Вот и отец мой приходит
В сны мои сам то и дело,
Взгляд почему-то отводит,
Держится как-то несмело.

Только раскрою объятия –
Он отступает, мерцая.
Не разгадать мне заклатья –
Не понимаю отца я!

- Что там, за жизнью, снаружи,
За приоткрытою дверью?
Ну, говори, ну кому же,
Как не тебе я поверю?

- Может, ты чем-то обижен?..
Хмурится, не отвечает.
Чуть подойду я поближе,
Вовсе, как облако, тает.

... Правда ль похожа на драму,
Вечность ли невыносима?
Что я отвечу Роману,
Чем помогу я Максиму?

2005 г.

«Я спрятался среди вас,
О, вечные звезды!»
Египетская Книга Мертвых

* * *

Ушедшие в царство видений
Не знают ни страха, ни страсти,
Не бьются в тенетах сомнений,
Не жаждут ни денег, ни власти.

Как будто бы в новую местность,
В деталях ее познавая,
Вступают в самую неизвестность,
В простор одичалый без края.

А там ювенильное море
Недовоплощенных явлений,
И счастье похоже на горе,
И мечутся смутные тени.

И чья-то холодная воля
По эллипсам гонит светила,
И гнется незримое поле,
И космос молчит, как могила.

Сжимается в точку сознание,
Куда-то летит ошалело,
И темная ночь Мирозданья
Глокает безродное тело.

Что тело – пустая морока!
Привязанность им не знакома...
Уже не вернется дорога
К порогу родимого дома.

2005 г.

* * *

Прозрачны заросли и просеки пусты.
Покинут нежитью и Богом не любим,
Ноябрьский лес стоит, суров и нелюдим,
Как будто старческой стесняясь наготы.

Он стал враждебен, недоверчив и угрюм.
В тревожном сумраке – угроза и упрек:
-Ну, что уставился, чужак, и как ты мог
Прийти сюда?.. В чашобе скрежеты и шум.

Так умирает одинокий человек
И ветер кроны мнет, одышлив и тяжел.
Гниющий папоротник рыж, осинник гол.
Еще темно, еще не лег надежный снег.

Лес угасает, как живое существо.
Дрожат в агонии костлявые кусты...
И ни величия в том нет, ни красоты,
А только времени и смерти торжество.

2005 г.

САГА

Жил – был староста церковный
По фамилии Трофимов.
Был он набожным, серьезным,
Собирал в казну налоги,
Да женился неудачно –
По любви, но безответной –
На капризной властной стерве,
В результате страшно запил...
Где теперь его могила?

Жил – был скромный обыватель
По фамилии Трофимов,
Промышлял витьем веревок.
При большевиках остался
Без коня и без коровы.
Тут нагрянул страшный голод –
Всей семьей пришлось скитаться.
Был бедняга дважды ранен
На войне... Вернувшись, запил.

Жил – был служащий советский
По фамилии Трофимов,
Был хорошим инженером
И наивным коммунистом,
Простодушно верил в честность.
Потерял все сбереженья
В результате перестройки.
Был на пенсию отправлен,
В нищете скончался тихо.

Жил – был психотерапевт
По фамилии Трофимов.
Выбрал странную специальность,
Начитавшись Фрейда с Юнгом.
Слыл глубоким интровертом,
Увлекался Кастанедой,
Сочинял стихотворенья,
В общем, был оригиналом...
Для чего жил – не понятно.

2005 г.

ХОЛОДНАЯ ЗИМА

В сползающей в пропасть стране
Гудит первобытная вьюга...
Здесь жалость к своим не в цене,
И люди не любят друг друга.

Здесь многие смотрят, как в ад,
В убогую нищую старость.
Мошною трясет плутократ,
Клюют холоуи, что осталось.

Из красной кремлевской стены,
Из пепла грозят комиссары
И новой гражданской войны
Угрюмо пророчат пожары.

Во всю евразийскую ширь,
Красуясь манишкой кровавой,
Как флейта, скликает Снегирь
В поход за военной славой.

Но скифских холодных ночей
Могущество невозвратимо,
И поезд по корке степей
Проносится станции мимо.

Забывшие идола спят
В безлюдных предгорьях Урала,
И ели да сосны молчат,
Качая ветвями устало.

2006 г.

* * *

Нет счастья на земле для всех,
Нет счастья на земле.
Но есть крахмально-белый снег
И фонари во мгле.
И есть святая чистота
Нагрывшей зимы,
Как будто светлая черта
Перед порогом тьмы.
И память воспроизведет –
Ты только позови –
За эпизодом эпизод
Немеркнувшей любви.
А мне так с детством повезло –
Сквозь наслоенья лет
Оттуда тянется тепло,
Таинственность и свет.
И я хотел бы передать
Другим, пока живой,
Словами эту благодать,
Восторг наивный свой.
... Не будет перечня заслуг,
Обид или грехов.
Как птица – вылетел из рук,
Мелькнул – и был таков.

2006 г.

* * *

Каким слепые видят мир во сне?..
Лежат они, во мраке, в тишине,
Закрыв глаза, и мертвенный такой
Царит у них под веками покой.

Ни днем, ни ночью зренье им не лжет.
Шестое чувство больше бережет
Слепых, чем тех, кому дано судьбой
Мерцанье бездны видеть над собой.

Незрячих ночь качает на руках,
Их кто-то гладит, тянет за рукав,
Они дыханье чувят у щеки
И слышат рядом легкие шаги.

Их мир ночной вполне одушевлен,
Он ближе к ним и гуще населен,
Чем зрячий мир, в котором большинство
Забыло про таинственность его.

Слепые не боятся пустоты.
Незримый ангел, сторож темноты,
Не сводит глаз с беспечного лица,
Оберегая спящего слепца.

2006г.

* * *

Сверчки в подвалах психбольницы,
На нижних мрачных этажах,
Когда больница спать ложится,
Перекликаются впотьмах.

Они боятся всех на свете,
Они не верят никому
И как испуганные дети
Тревожат жалобами тьму.

Зачем, скажите, духи леса,
Жильцы заброшенных аллей
Пришли сюда – из интереса
К душевным странностям людей?..

Нет, здесь несуетно и сыро,
Тепло и летом и зимой,
Тут сквозняки большого мира
Устало приглушают вой.

Здесь капли киселя и супа
Блестят на кафельных полах...
И задаваться просто глупо,
Когда белеет снег в полях.

Замри хотя бы на мгновенье,
Прислушайся, не шевелись –
Сверчков бесхитростное пенье
Восславит жизнь.

2006г

* * *

Фактически в снах человека
Присутствует смерть, но она
Как будто не смерть, а поездка,
Пространство в проеме окна.

Там, в серо-жемчужном покое,
Дорога бежит за холмы,
Нагие деревья по склонам,
Дыхание близкой зимы.

Как смутное воспоминанье –
Кирпичных домов череда,
Безветрие, клочья тумана,
Растресканных лужиц слюда.

И в левом нагрудном кармане
Заботливо спрятан билет.
И есть новизны предвкушенье,
А страха и жалости нет.

И смотрит на путь предстоящий
Спокойно во сне человек,
Предчувствуя – как настоящий –
Нетающий снег.

2006г.

* * *

Весь человек не виден никогда.
Он что-то большее, он где-то там, за краем,
За дверью, улицами – темен, как вода
Ночной реки, текуч, неисчерпаем.

Он за окраиной, за пустошами – тот,
Чье естество и есть непостоянство.
Он за мостами, выселками – вход
В иное, необжитое пространство.

Он где-то в сумрачной овчине облаков –
То появляется, как блик, то исчезает.
Он жалок, скован и лишен оков,
И сам себя боится и не знает.

Какая геометрия могла б
Отобразить его и стать ему порукой?..
Он двоедушен, расщеплен и слаб –
Пустое множество меж суетой и скукой.

Он средокрестие невидимых осей,
Вращений призрачных расплывчатое поле...
И он – за фальшью всей, неискренностью всей,
За всей невнятицей земной ничтожной доли.

2006г.

СОДЕРЖАНИЕ

«Какой печальный, мрачный март...».....	1
«И нечего больше сказать в оправданье себе...».....	2
«Это жизнь рассчитана на медленное умирание...».....	3
«Как легко согласиться с тем, что ты неудачлив во всем и позорно слаб...».....	4
«И не пытайся увлечь, потрясти, восхитить...».....	5
«Постарев и со многим смирившись, не столько морокой...».....	6
«Я знаю, чем кончится это...».....	7
«Однажды смутили беспечную душу мою...».....	8
«Генетами дождь обволокло летаргический мир...».....	9
«Какая-то тоска жила во мне всегда...».....	10
«Кто видит нас из вечности самой...».....	11
Новогоднее.....	12
«Опять с привычною тревогой...».....	13
«Какой нынче ветер с утра!...».....	14
«Так же, как небо, как стужа, как зной...».....	15
Загадка сна.....	16
Зимняя ночь.....	17
Заклинание.....	18
Ночная прогулка.....	19
Предзимье.....	20
«Когда твоя жизнь значит меньше, чем значит...».....	21
Зимний рассвет.....	22
«Чем же, чем обычно заканчивается пребывание в тупике?...».....	23
«Он знает то, чего не знаю я...».....	24
«И этот дом я когда-то покину, как и всякий другой...».....	25
«С полуночи еще тяжелый мокрый снег...».....	26
«Не знал я примет и гаданий по звездам, по дыму...».....	27
«Нет никакой справедливости в жизни земной...».....	28
«Не в темном шкафу, а во мне обитает скелет...».....	29
«Плывут бессчетные века вдоль по течению небес...».....	30
«Открылось мне, что ты в моей душе поныне...».....	31
Черный ворон.....	32
«Прислушайся к мраку, к наволглой ночной тишине...».....	33
Дерево.....	34
«Что держит мышцы в напряжении...».....	35
«После двухчасового наркоза в уме правит бал пустота...».....	36
«Жуки Скрипуны и жуки Носороги...».....	37
«Тебе я не верил, а может, боялся тебя...».....	38
«За что себя жалеть?... За то, что ты один...».....	39
«На снежном поле потолка...».....	40
Первый снег.....	41
«Иногда заклинатели света...».....	42

Приближение осени.....	43
«Время наступит – я сгину...».....	44
«Ушедшие в царство видений...».....	45
«Прозрачны заросли и просеки пусты...».....	46
Сага.....	47
Холодная зима.....	48
«Нет счастья на земле для всех...».....	49
«Каким слепые видят мир во сне?...».....	50
«Сверчки в подвалах психбольницы...».....	51
«Фактически в снах человека...».....	52
«Весь человек не виден никогда...».....	53

Отзывы о книге можно посылать на электронный адрес автора: E-mail:camsham@mail.ru

